

СВАСТИКА ПРОТИВ ЗВЕЗДЫ

ОТКРОВЕНИЯ ГИТЛЕРОВЦЕВ

Хельмут АЛЬТНЕР

Я – смертник Гитлера

Рейх
истекает кровью

«ЯУЗА-ПРЕСС»

МОСКВА

2013

УДК 63.3(0)63

ББК 56

А 58

Перевод с английского *А. В. Бушуева*

Альтнер Х.

А 58 Я — смертник Гитлера. Рейх истекает кровью / Хельмут Альтнер ; [пер. с англ. А. В. Бушуева]. — М. : Яуза-пресс, 2013. — 416 с. — (Свастика против звезды. Откровения гитлеровцев).

ISBN 978-5-9955-0623-2

Эта книга — не просто «окопная правда», а репортаж из преисподней. Это — откровения 17-летнего Todeskandidat (смертника), призванного в Вермахт весной 1945 года, когда Гитлер поставил под ружье фактически все мужское население Германии, от подростков до стариков, и бросил их на убой, под гусеницы советских танков. 16 апреля Хельмут Альтнер вместе с такими же юнцами, не успевшими пройти военную подготовку, попал под сокрушительный удар Красной Армии, начавшей штурм Берлина. Необученные новобранцы полегли в первом же бою — Альтнер был единственным среди них, кому посчастливилось выжить. Вместе с остатками своей роты он отступил в город и еще десять дней дрался в тоннелях берлинского метро, участвовал в отчаянных боях за Шпандау и Имперский стадион и в последней попытке остатков гарнизона прорваться на запад. И вновь Альтнер повезло — он не стигнул в аду уличных боев, не погиб под ураганным огнем, косившим отступающих немцев тысячами. Раненный в ногу, Альтнер сдался в плен русским солдатам...

Эти мемуары, написанные сразу после войны, по праву считаются одной из лучших книг о последних днях Третьего Рейха. Это — страшная правда о битве за Берлин, о кровавой Todestanz (пляске смерти) и мучительной Todeskampf (агонии) гитлеровского Рейха...

УДК 63.3(0)63

ББК 56

© Бушуев А.В., перевод на русский язык, 2013

© ООО «Яуза-пресс», 2013

ISBN 978-5-9955-0623-2

Глава I

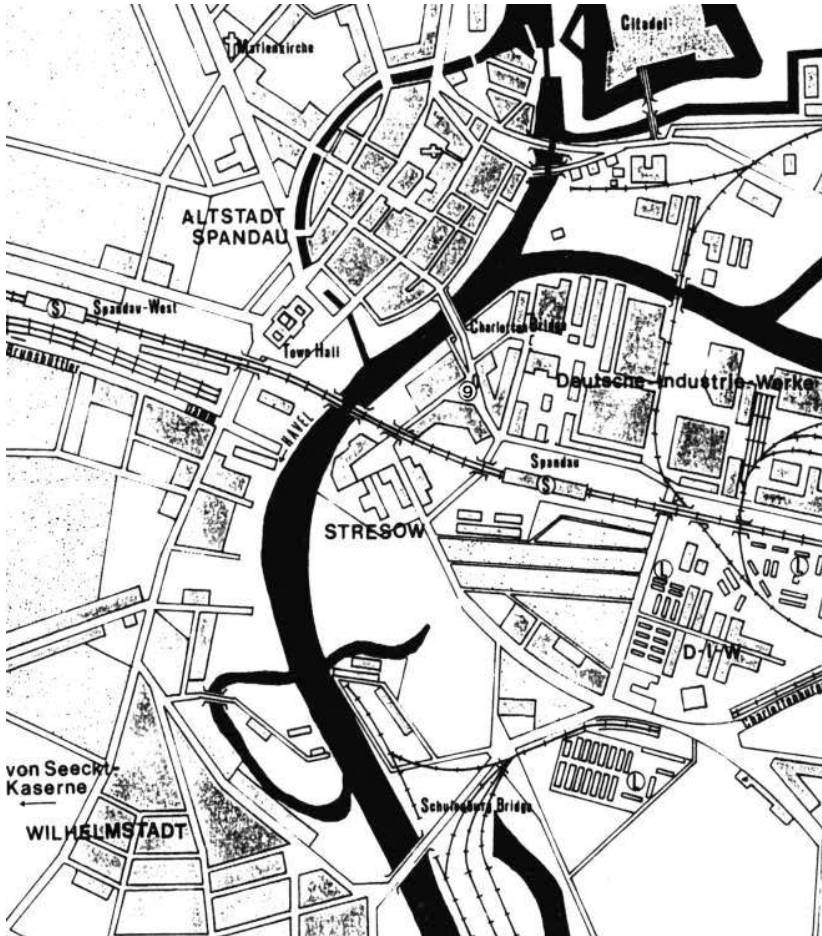
ПРИЗЫВНИК

Четверг, 29 марта 1945 года

Берлин, похоже, трещит по всем швам. Ночные бомбардировки причинили намного больший ущерб, чем сообщается в официальных сводках. Согласно им, разрушены лишь несколько зданий в Шпандау, но фактически дело обстоит намного хуже. Метро работает нерегулярно, и получасовые задержки уже далеко не исключение, в то время как городская железная дорога, большая часть путей которой изуродована до неузнаваемости, практически парализована¹.

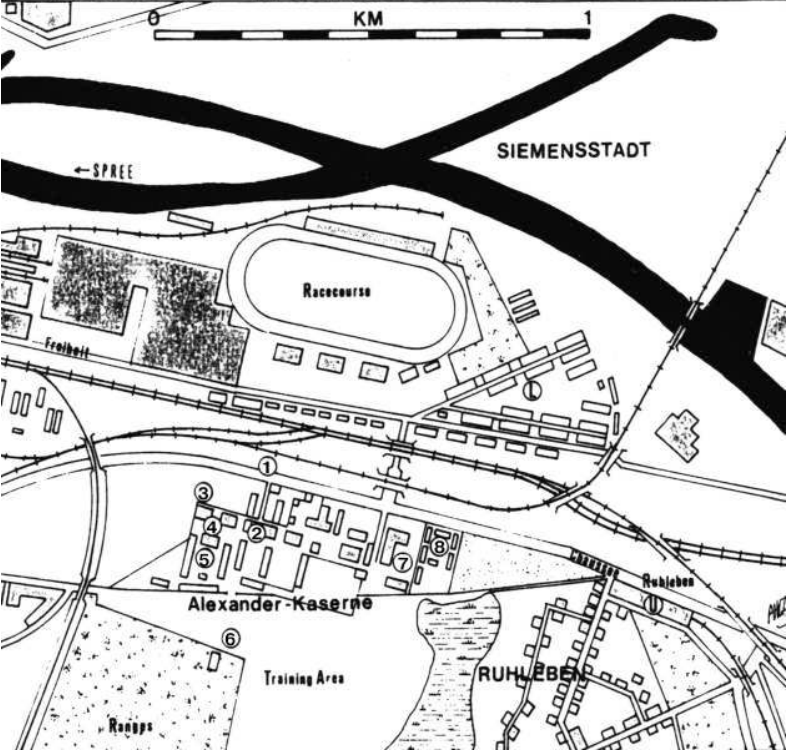
Я зажат в толпе, штурмующей поезд городской железной дороги, следующий из Фельтена в Хенингсдорф. Мой багаж, засунутый на багажную полку, — это картонная коробка от «Персила», где лежит немного съестного и нижнее белье². В Хенингсдорфе меня буквально выносят на платформу и мне приходится пробиваться назад, всю используя локти и колени, чтобы взять багаж. Прыгаю из поезда уже на ходу.

Следую за потоком людей к выходу с вокзала. Призывные документы, лежащие в моем кармане, словно отделяют меня от всех остальных людей. Про-

Рулебен

1 – Главные ворота	6 – Палатка химзащиты	□ Сады	□ Деревянные здания
2 – Штаб	7 – Киностудия	▨ Болота	▨ Леса
3 – Столовая	8 – Венгерские Казармы	▨ Каменные здания	
4 – Склады			
5 – Конюшня	9 – Штрезовплац		

бываюсь к остановке трамвая, который должен доставить меня к сборному пункту. На остановке толпятся люди, которые тут же заполняют трамвай. На улицах Берлина повсюду видна серая военная форма.

Вскоре кондуктор дает звонок, и мы отъезжаем. Я стою на задней площадке и поэтому могу видеть дорогу. Мы покидаем Хенингсдорф и, минуя луга и лесной массив, направляемся к конечному пункту 120-го маршрута, где нас ждет пересадка на другой трамвай. Вскоре появляются первые виллы Шпандау. Нашим взглядам предстают последствия бомбежки предыдущей ночи. Развороченный взрывами лес и поваленные почтенные старые дубы свидетельствуют о разрушительной мощи современных взрывчатых веществ. Затем мимо нас мелькают ряды горящих зданий, окруженных солдатами и отрядами гитлерюгенда с пожарным оборудованием. Несколько мальчишек в военной форме собирают части человеческих тел, а 12-летний подросток рядом с ними спокойно разворачивает сверток с завтраком.

Трамвай останавливается, и мы вынуждены выйти. Беру свою коробку и прохожу мимо вагона. В нескольких метрах впереди провода оборваны и лежат поперек дороги. Нам придется подождать, чтобы разобраться, сможем ли мы ехать дальше.

Еще несколько человек с такими же картонными коробками «Персила» выходят из трамвая вместе со мной, и после обмена несколькими неуверенными взглядами между нами устанавливается безмолвный контакт — у всех нас одна цель.

Общими усилиями нам удается остановить грузовик, который быстро заполняется сходящимися отовсюду людьми, мужчинами и женщинами. Все они яв-

но путешествуют только для того, чтобы навестить родственников в подвергшихся бомбежке районах города, желая выяснить, живы ли они. Каждое транспортное средство, попадающее на нашем пути, доверху забито встревоженными людьми. Гуляющие в толпе слухи один хуже другого, они лишают нас последних остатков решимости.

Мы быстро приближаемся к центру Шпандау, и здесь впервые перед нами открывается картина огромных разрушений. Осуждающе смотрят на мир пустые оконные проемы разбомбленной фабрики. Провалившиеся балки то горят ровно, то ярко вспыхивают от порывов ветра, в то время как владельцы пылающего дома с противоположной стороны улицы безмолвно наблюдают за тем, как уносятся в небеса плоды их многолетнего тяжелого труда. По разрушенному кварталу крадучись проходят темные фигуры, украдкой озираясь, как гиены в поисках добычи. Берлин — сердце рейха — перевернут вверх дном.

Чем дальше мы углубляемся в разрушенный горящий квартал, тем тягостнее становится атмосфера. Женщины, сдерживая слезы, с тревогой спрашивают прохожих, много ли убитых на таких-то и таких-то улицах. Им тихо отвечают. Никто больше не увидит на этих лицах героического подъема, о котором так часто говорил Геббельс в первые годы войны³. Напротив, все чувствуют лишь мрачное нескрываемое отчаяние.

Нам приходится вылезти из грузовика как раз перед ратушей, где тот быстро сворачивает в переулок. Мы берем наши картонные коробки и спрашиваем, как пройти к казармам Секта⁴. Проходя мимо ратуши Шпандау, видим, как люди из гражданской обороны и

пожарные стараются потушить огонь в той части здания, которое горит, как факел. Улицы усыпаны осколками стекла и щебнем, а спешащие по ним люди в полном безразличии вытаптывают первые признаки пробивающейся на земле растительности.

Разрушения простираются до линии железной дороги, а затем резко прекращаются, будто прочерченные строго по линейке. На дальней стороне путей единственные напоминания о войне — баррикады и казармы. В караульном помещении добротных, на века возведенных казарм у призывников берут призывные документы и возвращают с печатью и указанием даты и времени прибытия. Теперь я солдат, пути назад для меня больше нет.

Иду по гладко асфальтированной улице. Из больших зданий слева раздаются приглушенные голоса. Справа по плацу строем идет на кухню взвод солдат. В далеком конце гигантского комплекса казарм строительные леса по-прежнему скрывают возводящиеся здания. В то время как дым и огонь уничтожает гражданские здания, здесь продолжают строить новые «дворцы» для новобранцев.

В штабе роты несколько писарей сидят, небрежно развалившись на стульях. Они не обращают на меня внимания до тех пор, пока в комнату не входит лейтенант. В этот момент все они вдруг умудряются изобразить бурную деятельность. Один из младших по званию начинает внимательно изучать мои призывные документы, затем резко спрашивает меня, почему я опоздал на два часа. Когда мои данные записаны, мне приказывают явиться в 309-й ⁵ учебный резервный мотопехотный батальон в казармах Александра⁶ в Рулебене. Когда я подхожу к двери, один из писа-

рей сообщает, что в столовой меня ждет мать. Я, словно громом пораженный, на мгновение застываю на месте. Охваченный восторгом, выскакиваю вон, едва не забыв попрощаться.

Слишком много всего сразу за один день. Много месяцев у меня не было от матери никаких известий, и неожиданно появляется шанс снова ее увидеть. Я быстро иду в столовую, где за столом сидит мать и завтракает. Она не видит, как я вхожу. Медленно подхожу к ней, и она, подняв голову, замечает меня.

— Мама! — единственное, что я могу произнести. Мы нежно обнимаемся.

Затем вместе возвращаемся в штаб батальона, где садимся в коридоре. Раздается свисток, и мимо нас пробегают призывники. Мы продолжаем разговаривать, забыв обо всем. На стенах изображены батальные сцены: кавалеристы с яркими, развевающимися на ветру флагами и пехота на марше. Насколько безмятежной кажется на них война!

Мы потеряли ощущение времени, к действительности нас возвращает офицер. Медленно идем по разрушенному городу, стараясь максимально использовать каждую минуту пути до ворот казарм. На мостах через Хафель сооружают баррикады. Из воды торчит затонувшая баржа, с которой мужчины и женщины вытаскивают ящики с банками джема и ветчины, пополняя свой скудный рацион. Рядом в воде плавает покойник. Волны поворачивают тело, его остекленевшие глаза обращены в бесконечность, но никто не обращает на него внимания, так как еда намного важнее.

В казармах Александра, которые построены гораздо раньше, чем казармы Шпандау, начинается процесс хождения по различным кабинетам. Каждый

мелкий служащий мнит себя Господом Богом, демонстрируя свою власть криком. Чем ниже звание, тем громче крик. Через два часа, которые мать прождала, стоя в коридоре, все формальности улажены. Я сдал свой паспорт, получив взамен личный жетон и расчетную книжку. Прочие новоприбывшие, и молодые, и старые, толкаются в коридоре. Неужели это все, что осталось у Германии?

Вместе с матерью поднимаюсь по лестнице на чердак. Чем выше мы оказываемся, тем мрачнее кажутся коридоры. На чердаке, где мне предстоит провести ночь, ужасно холодно. Всякий раз, когда открывается дверь, в оконных проемах дребезжат стекла. В комнате с наклонным потолком в беспорядке стоят несколько двухъярусных коек, шкафчиков без дверей, столов и шатких табуреток. Пожилые работяги сидят за столом и рассуждают о войне. Мы с матерью садимся на кровать и осматриваемся в полумраке. Позади нас раздаются голоса солдат, которые зажгли свечи. Никто из них больше не верит в победу. Они говорят, что сбегут, как только представится такая возможность.

Мать расстроена убожеством казарменной обстановки, разговорами старых работяг, унылой атмосферой. Она печально обращается ко мне: «Мой мальчик, тебе будет нелегко, но я желаю тебе всего самого хорошего». Ей пора уезжать, и мы медленно спускаемся по лестнице и выходим в звездную ночь. Из ярко освещенных окон казарм раздается звук голосов и трель флейты. Встревоженная мать говорит, чтобы я берег себя. Мы снова смотрим друг другу в глаза и в последний раз пожимаем руки. Очертания любимой фигуры медленно исчезают в темноте.

Пятница, 30 марта 1945 года

В семь часов меня будит пронзительный свисток дежурного унтер-офицера. Утренний свет пробивается сквозь маленькие окошки. Наконец нам, новобранцам, выдают котелки и форму, которые были так нужны еще накануне вечером, но вчера у неприступных и могущественных интендантов не нашлось для нас ни минуты времени.

Нам выдают немного горячего кофе и приказывают построиться. Я вспоминаю, что сегодня Страстная пятница. Погода соответствующая, небо унылое и пасмурное.

Мы, новички в гражданской одежде, должны построиться на плацу, на правом фланге роты. Толстый обер-фельдфебель разделяет нас, стоящих вместе, 16-летних рядом с 60-летними: мы — последняя надежда Германии!

Нашей группой командует совсем молодой унтер-офицер, который строем ведет нас в санчасть на прививки. Мы раздеваемся в приемной, где разит потом и кожаными сапогами, и, чувствуя, что замерзаем, ждем начала прививок. Наконец нас тройками запускают в процедурную, где нас быстро осматривает пожилой фельдшер и характерным резким тоном кадрового военного объявляет: «Годен!» В соседнем кабинете каждому из нас делают три прививки: от холеры, сыпного тифа и малярии, по одной в каждую руку и одну в левый сосок. Врач и санитары работают как заведенные.

— Годен! — Прививки, штамп в расчетной книжке. — Следующий! Поторапливайтесь!

В нас они не видят людей, для них мы лишь цифры и пушечное мясо.

Прививки на меня не повлияли, и в полдень я с отменным аппетитом уплетаю вкусный гороховый суп, но многие солдаты есть не могут. Таких среди нас большинство. У них болят руки, они болезненно бледны, их тела чересчур истощены, чтобы выдержать подобные процедуры.

Днем получаем форму с интендантских складов. Нам швыряют одежду, смерив фигуру на глазок.

— Подходит? Свободен! Следующий!

Лишь вернувшись в казарму, мы можем толком примерить вещи. Китель слишком велик и болтается на мне, как на вешалке, рукава доходят до кончиков пальцев. Брюки, наоборот, до смешного коротки и едва достигают края сапог.

— Подходит? Свободен!

И я не один такой. Большинство моих товарищей похожи на огородные пугала или лопоухих первоклашек. Лишь обменявшись вещами, нам мало-помалу удастся более или менее сносно одеться. Теперь мне подходит все, кроме сапог, но двум парням все же приходится скрепя сердце возвращаться на интендантские склады, чтобы поменять вещи.

Ближе к вечеру нам выдают по десятку сигарет и немного шнапса, чтобы отметить начало службы. Самые младшие из нас вместе с сухим пайком дополнительно получают хлеб и сало. Вечером иду в празднично украшенную столовую выпить пива. Украдкой рассматриваю сидящего за моим столом пожилого служивого, его светлые волосы и почти квадратную голову, синие глаза цвета моря. По всей видимости, он бывший моряк. Мне удастся с ним заговорить. Ему 58 лет, он приехал из Гамбурга. Зовут его Герман

Виндхорст, в его имени звучит гул штормов и рокот морских волн.

Звучит сигнал «Отбой!». Нам нужно покинуть столовую и идти спать. Мы с ним оказываемся в одной казарме, даже в одном и том же углу. Странно, что я не видел его прежде.

Среди ночи меня будят проклятия. Словно аккомпанемент к сиренам воздушной тревоги в казарме и на плацу звучит резкий, пронзительный свист. Одуревший ото сна, натягиваю сапоги и ощупью пробираюсь сквозь темную комнату и спускаюсь по лестнице. Во тьме уже слышан звук двигателей истребителей-бомбардировщиков «москито»⁷. В центре города взрываются несколько бомб, небеса пронзают лучи прожекторов. Через два часа, измотанные и промерзшие, мы возвращаемся в кровати.

Суббота, 31 марта 1945 года

На завтрак для разнообразия подают сладкий молочный суп, который мы, усталые и голодные, поглощаем с нескрываемым удовольствием. Утром должны дополнительно выдать недостающее обмундирование, предполагается, что уже на обед мы должны прибыть в полевой форме.

Вернувшись в казарму, упаковываю остатки своей гражданской одежды, с тяжелым чувством закрывая коробку. Прощай, гражданская жизнь! Теперь я солдат. Пути назад нет.

Незадолго до полудня нам вновь неожиданно приказывают построиться. Наш взвод должен отправиться в Шпандау, будем сдавать анализ крови. Поскольку каждый день поступают новые призывники, естественно, в нашем взводе не все в форме. Поэтому